

Р.ШВЕРИ

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ
ДЖЕЙМСА КОУЛМЕНА:
АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

ШВЕРИ Рольф — licenciat rerum politicum (Фрибург, Швейцария), стажер-исследователь Института социологии РАН. Адрес: 117259 Москва, ул. Кржижановского 24 / 35, корпус 5. Тел. (095) 120-82-57, 128-86-01; факс: (095) 719-07-40

Библиографические сведения

Джеймс Коулмен (1926-1995) начал свою научную карьеру в период, когда социология завоевала всеобщее признание. Он получил докторскую степень в 1955 году в Колумбийском университете. Ученик Пауля Лазарфельда, возглавлявшего в те годы Бюро прикладных социальных исследований, Коулмен, вероятно, никогда не верил, что "физики" и "лирики" познают мир по-разному. Он глубоко воспринял идеал социологии как точной науки, преодолевающей контрверзу номотетического и идеографического знания, и стал одним из основателей математического направления в прикладных социальных исследованиях. Его монографии "Введение в математическую социологию" (1964) и "Математика коллективного действия" (1973) стали классическими трудами, воплощающими требование строгости и доказательности при изучении гуманитарных проблем. Более тридцати лет Коулмен вел преподавательскую и исследовательскую работу в Чикагском университете. Своей исключительно высокой репутацией Национальный центр исследований общественного мнения в Чикаго (созданный как аналог лазарфельдовского "Бюро") обязан, в частности, Коулмену, который был профессором и одним из научных руководителей центра. Полученные Коулменом результаты хорошо известны специалистам по математической социологии. В 1981 году он опубликовал книгу "Анализ лонгитюдных данных", где формулировались основы теории временных рядов, — результат, открывающий перспективное направление в прикладных статистических исследованиях.

Круг научных интересов Коулмена не ограничивался прикладной математикой. Написанная еще в 1956 году совместно с С.М.Липсетом книга "Союзная демократия" обозначила серьезный интерес Коулмена к проблемам формирования власти и либеральной демократии. В 1973 году он выпустил книгу "Власть и структура общества". В то же время основная область его научных интересов была связана с социологией молодежи и образования. "Юношеское общество" (1961), "Молодежь и школы" (1965, в соавторстве), "Равенство в образовании" (1966), "Молодежь: переход к взрослой жизни" (1973), "Асимметричное общество" (1982), "Достижение высшей школы" (1982, в соавторстве) — монографии, сделавшие Коулмена крупным авторитетом в области социальных проблем образования.

Наука XX века немыслима без узкой специализации. Но выработка новых обобщающих идей предполагает выход за

дисциплинарные рамки и умение увидеть проблему *sub specie aeternitatis*. Именно универсальный математический взгляд на мир — одна из отличительных черт концепции Коулмена. Соединив в своем лице математика, экономиста, политолога, социолога, он предложил новую версию общей теории социального действия, — задача, которую в свое время решала структурно-функционалистская школа. Книгу "Основания социальной теории", подводящую итоги научной деятельности Коулмена, называют одним из самых значительных трудов по теоретической социологии в конце XX столетия [1]. Он работал над книгой в течение двадцати лет, особенно интенсивно в последние годы, когда уже был неизлечимо болен. Коулмен считал математическую часть работы важной составляющей "Оснований", во всяком случае на предложение редактора сократить математические выкладки он ответил отказом. Однако замысел книги выходит далеко за рамки ее математического аппарата. Это создание теории социального действия и оптимального функционирования социальных порядков. До сих пор никому не удалось добиться безукоризненного решения такой задачи. При всем при том несомненно, что для социологической мысли важны не только готовые решения, но и путь к ним. Коулмен прошел этот путь, веберовская заповедь о профессиональном служении науке исполнена им до конца.

Исходные методологические принципы

Монография начинается с разъяснения четырех принципов. Во-первых, Коулмен строго придерживается принципа методологического индивидуализма. Это не наивный индивидуализм "робинзоновского" толка. Коулмен хорошо знаком с критикой методологического индивидуализма от периода Просвещения до наших дней и учитывает ее в своей работе. Чтобы обосновать индивидуалистический выбор, Коулмен приводит следующие аргументы. Аргумент первый: практически каждый исследователь идентифицирует эмпирические данные на индивидуальном уровне. Следовательно, индивидуалистический подход, по крайней мере в этом отношении, более продуктивен. Аргумент второй: принимаемые в общественном взаимодействии решения реализуются также на индивидуальном уровне. Этот аргумент звучит особенно убедительно для стран с развитыми демократическими традициями. Третий и четвертый аргументы Коулмена, с нашей точки зрения, более проблематичны (автор также отмечает это обстоятельство): модели объяснения, сформулированные на индивидуальном уровне, отличаются большей достоверностью и обоснованностью — на этом уровне усовершенствование теории помогает выработать оптимальные решения и избегать ситуаций, когда "нас накрывают волны изменений" (р. 17)¹. Последний аргумент в защиту индивидуалистического метода заключается в акцентировании ценностного отношения. В контексте веберовского постулата о науке "свободной от ценностей", такой аргумент может показаться малоубедительным. Однако позиция Коулмена вполне определена: на первом плане его теории — "гуманистический образ человека".

С приведенными выше характеристиками методологического индивидуализма тесно связано и следующее положение Коулмена: макротория должна иметь микрооснования. Любое объяснение предполагает три типа связей: во-первых, макро-микро связь, где

---

¹ Здесь и далее приводятся ссылки на соответствующие страницы рассматриваемого издания. — *Прим. ред.*

социальный феномен соотносится с индивидуальным уровнем. Во-вторых, микро-микро связь, где "стимул" рождает "реакцию". В-третьих, обратная связь микроуровня с макроуровнем, где агрегируются индивидуальные действия.

Теория Коулмена телеологична, что существенно отличает ее от функционализма ТЛарсонса. Коулмен указывает, что ему близка теоретическая традиция, связанная с именами Дж.Бентама, Д.С.Милля, Ж.-Ж.Руссо, Дж.Локка, Ф.Хайека и Дж.Роулса (р.15).

И последняя, но не менее важная характеристика его теории — утилитаризм, то есть следование принципу максимальной полезности (р.15). Утилитаристский метод максимально прост, с его помощью можно избежать множества затруднений. Это несомненно, но все-таки тезис об утилитаризме, как всеобщем генерализирующем методе остается под вопросом. С одним из затруднений при использовании утилитаристской модели объяснения в теории обмена сталкивался Дж.Хоманс, работы которого существенно повлияли на концепцию Коулмена. Акцентируя внимание прежде всего на психологических аспектах обмена между индивидами, Хоманс не смог выйти за пределы бихевиоризма и проблематизировать связь между микро- и макротеориями. "Переход от микротеории к макротеории в данном контексте представлял собой временной порядок интеракций, установленных, например, Хомансом при наблюдении за поведением акторов в малых группах, — писал Коулмен. — Сегодня преимущественная ориентация социологического анализа связана с изучением крупномасштабных социально-исторических феноменов. Для такой работы требуется учет механизмов перехода от микроуровня к макроуровню, которые могут выразить эту взаимозависимость без ссылки на поток моментных интеракций между конкретными акторами" [2].

В центре теории Коулмена — понятие рационального действия. Автор исходит из того, что индивид всегда ведет себя рационально, но, добавляет он, если мы хотим объяснить социальный феномен, то вынуждены искать причины индивидуальных действий уже после того, как они свершились. Рациональность понимается автором столь широко, что под это определение подпадает множество "альтруистических" или кажущихся на первый взгляд иррациональными поступков: участие в сектах, дружба, доверие и т.д.

Как возможно социальное действие?

Объяснительная модель, используемая Коулменом, основана на соотношении интересов и ресурсов. Иными словами, акторы стремятся осуществить свои интересы путем использования подконтрольных им ресурсов. Проблема состоит в том, что существуют ресурсы, в овладении которыми индивид заинтересован, но они ему не подконтрольны. Следовательно, он должен произвести действие, направленное на овладение этими ресурсами.

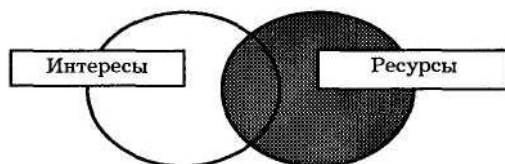

Рис.1. Соотношение интересов и ресурсов

Первые три части книги посвящены анализу типов рационального социального действия. Автор отчетливо разделяет два его компонента: "события, имеющие последствия для многих" (events with consequences for many) и "передачу прав и средств" (transfer of rights and resources). К классу "событий, имеющих последствия для многих", относятся действия индивида, субъективно ориентированные на собственные интересы, но влекущие за собой разного рода последствия для всех участников социального взаимодействия. Например, к таким действиям относятся проезд "зайцем" на общественном транспорте, самостоятельные инициативы подчиненного в иерархически организованной системе власти (отношения principal / agent), производство товаров народного потребления и создание дефицита. Все это охватывается также понятием экстерналий. Здесь Коулмен следует идеям Р.Коуза, И.Бьюкенена и Г.Таллока [3].

Второй компонент социального действия — "передача прав и средств" — можно представить в виде трех пересекающихся областей: А — передача прав контроля над действием (transfer of rights to control action); В — односторонняя передача прав (unilateral transfer); С — система отношений (system of relations). Пересечение трех указанных областей создает семь дополнительных концептуализации (рис. 2).

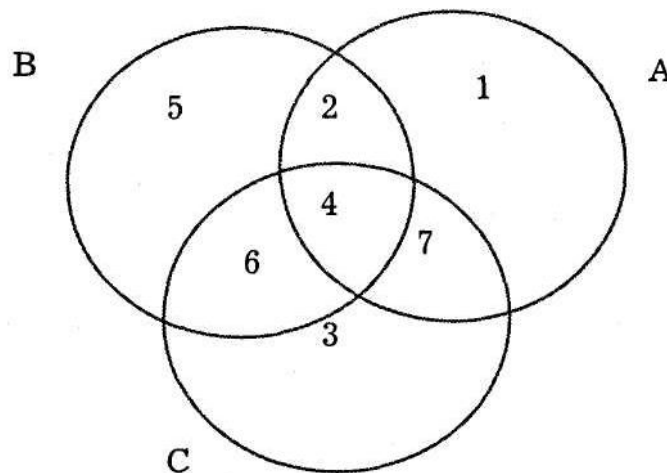

Рис. 2. Типология передачи прав и средств

Итак, при пересечении областей А, В и С образуются семь основных категорий: "рынок" (3) "объединяющие (2) и разъединяющие (1) властные отношения", "отношения доверия" (5). Властными отношениями называется передача права контролировать как объединяющие, так и разъединяющие действия. Разъединяющие властные отношения не предполагают какого-либо вознаграждения человеку, передавшему свои права, подразумевается лишь внешняя компенсация. Так, профессиональный футболист принимает временный контроль над своими действиями и ожидает за это денежную компенсацию.

"Объединяющие властные отношения" предполагают субординацию и не требуют никаких вознаграждений извне. В качестве примера Коулмен приводит секту, где право контролировать действия ее членов передаются единоличному руководителю без какой-либо материальной компенсации. При переходе властных отношений с микроуровня на макроуровень, в поле зрения исследователя попадают так называемые "системы власти" (authority

systems).

Властные отношения также преобладают при разъединяющих (7) или объединяющих (4) формах. Перечисленные выше четыре типа отношений можно назвать "передачей прав контроля над действиями".

"Отношения доверия" — следующая базовая концептуализация — определяется Коулменом как "объединение риска при принятии решений". Доверие — необходимый компонент любого сотрудничества, но как особый тип поведения проявляется в экстремальных ситуациях. Когда судовладелец вынужден срочно найти 200 тыс. фунтов стерлингов, чтобы избежать простоя судна, он использует отношения доверия: звонит своему близкому другу, а тот в свой банк, который и ссужает деньгами судовладельца. Такого рода отношения предполагают существование "цепочек доверия": во-первых, друг должен доверять судовладельцу, во-вторых, банк другу. В данном случае риск распределяется между участниками отношений доверия, причем каждый из них поступает рационально. В большинстве случаев должник, поступая рационально-эгоистически, без какого-либо принуждения соблюдает взаимное соглашение.

"Система доверия" (6) — это распространение "отношений доверия" на макроуровень, где они выступают в форме нормативных предписаний. Например, популярный среди американской молодежи 1960-х годов лозунг "Не верь никому старше тридцати лет" — своеобразный "паттерн" социального поведения. Коулмен обращает внимание на специфичную роль "системы доверия" в становлении профсоюза "Солидарность" в Польше, а также распространении различных сект в США (p.176f). В конечном итоге "экспансия доверия" усиливает дальнейшее воспроизводство этих отношений и их распространение на все сферы жизни общества (p.196).

Особый тип целерационального (purposive) действия связан с рыночными отношениями. Коулмен начинает с классического определения денег как средства обмена и описывает различные общественные системы, основанные на денежном обращении.

Социальный капитал

Наибольший интерес в работе Коулмена представляет глава "Социальный капитал". Этот термин получил широкое распространение в социально-экономической теории благодаря работам Дж.Лури, П.Бурдые, Х.Флэпа и Н. де Граафа [4]. Основное отличие социального капитала от других видов — в его происхождении. Если физический и человеческий капиталы принадлежат индивидам, социальный капитал возникает и функционирует в контексте отношений между индивидами. Классический персонаж индивидуалистических доктрин Робинзон Крузо не мог обладать социальным капиталом. Опять обратимся к примеру футбольной команды. Команда имеет определенный физический капитал в виде бюджета, пожертвований спонсоров, инвентаря, помещений для тренировок и т.д., а также "человеческий" капитал, представленный хорошо тренированными и опытными игроками. Однако нередко приходится видеть, как команда, обладающая неплохим физическим капиталом и блестящими игроками, проигрывает более "сыгранной". "Порядок бьет класс", — говорят спортивные комментаторы. Это и есть социальный капитал.

Теория, основанная на концепции "социального капитала", ведет к частичному отрицанию индивидуалистической робинзонады. Коулмен сводит критику этой доктрины к трем пунктам. Во-первых, индивиды не могут действовать изолированно друг от друга. Во-

вторых, их интересы не сводятся к эгоистическим мотивам. Здесь Коулмен следует распространенным взглядам на роль "социальности" в формировании общественных систем. В частности, Дж.Лури показал, что социальный капитал необходим для концентрации человеческого капитала. Известна критика Дж.Гранноветтером понятия "несоциализированный человек" и идеи воплощения экономической сделки в социальных отношениях [5]. Ю.БенПорат использовал метафору "F-связи" (family, friends, firms), с целью продемонстрировать влияние семейных, корпоративных и личных отношений на экономический обмен [6]. Концепция Коулмена отличается более последовательной ориентацией на методологический индивидуализм и утилитаризм. В главе "Новая социальная структура и новая социальная наука" он отмечает бурный рост количества "корпоративных акторов" за последние полтора столетия. В то же время традиционные институты (особенно семья) теряют свое значение. Это новый мир, в котором "разобщенные чужаки чувствуют близость, а соседи становятся чужаками" (p.650). В процессе эволюции "естественная физическая окружающая среда" сменяется "сконструированной". Аналогичным образом "естественная" социальная среда сменяется целерационально "сконструированной". Именно поэтому возрастает потребность и в новой социальной науке, фокусирующей свое внимание на новом типе общества с его рационально сконструированными институтами (p.652). Без сомнения, эти рассуждения Коулмена близки по духу теории рационализации М.Вебера. В отличие от Вебера рационализация в понимании Коулмена безраздельно связана с победой эгоистического воззрения на социальный капитал, который создается в межличностном пространстве и поэтому должен размываться в процессе эволюции. Конечно, Коулмен осознает печальные последствия наступившей эры индивидуализации: "Это ставит каждого из нас в положение "бедного богача", имеющего в избытке материальные ресурсы при отсутствии или недостатке социальных ресурсов, что могло бы сделать жизнь более-менее терпимой" (p.653).

Проблема "principal / agent"

В теории рационального выбора существуют два направления. Первое зародилось в Чикагском университете (отсюда его название "Чикагская школа"), второе — в университете Вирджинии и именуется "Вирджинской школой". Чикагская школа исходит из постулата совершенного или почти совершенного функционирования рынков (включая и политические). Отсюда следует, что не существует информационного лага или "зазора" между начальником и подчиненным, политиками и избирателями, правительством и чиновниками. Для обозначения соответствующих двойных связей в англо-американской научной литературе употребляется термин principal / agent. Проблема заключается в том, что объем полномочий, транслируемый по линии principal-»agent, не эквивалентен объему полномочий, используемому агентом социального действия. В отличие от Чикагской, Вирджинская школа не игнорирует эту проблему. Большинство работ ее представителей посвящено передаче полномочий в контексте "principal / agent". Общая схема отношений между "принципалом", "агентом" и "актором" заключается в эквивалентном обмене правами таким образом, что "легитимная" триада находится в состоянии равновесия. Если же "агент", выступающий посредником между "принципалом" и "актором", использует переданные ему права в собственных

интересах, отношения между "принципалом" и "агентом" проблематизируются и приобретают черты позиционного конфликта (рис. 3).

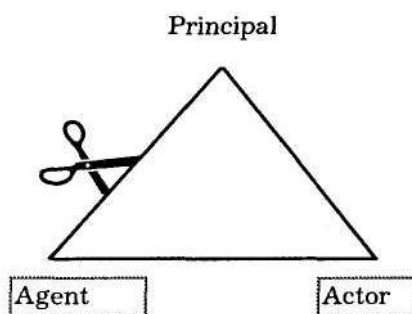

Рис. 3. Principal/agent

Проблема формулируется следующим образом: "Личность каждого нормального человека состоит из двух "Я": Я-страдательное и Я-действующее (object self and acting self) или принципал и агент в одном физическом теле" (p.423). Отсюда вывод, что проблема "principal / agent" возникает тогда, когда две части этой пары воплощены в разных персонах. Коулмен считает, что именно этот аспект не замечен М.Вебером и его последователями. По мнению Коулмена (что в какой-то степени справедливо), Вебер трактует центральную власть как целерационального актора со своими собственными интересами, но не обращает внимания на тот факт, что выполняющие определенные функции служащие организации тоже являются целерациональными акторами (p.423). Впервые указал на данное обстоятельство Р.Михельс в своем "Железном законе олигархии"[7]. Он был одним из основоположников элитаристской теории бюрократии, многие положения которой разделяет Коулмен.

Наиболее интересный, хотя и спорный, вклад Коулмена в теорию бюрократии — трактовка проблемы "free-rider" — "трамвайного зайца". Она возникает в ситуации, когда посредством коллективного действия производится некий общественный продукт, но при распределении не срабатывает принцип исключения. В итоге актер может пользоваться общественным благом, не внося за это никакой платы. Следующий пример наглядно иллюстрирует эффект "зайца": к дачному поселку проводят дорогу, оплачиваемую на паях. Некоторые дачники денег не внесли, но дорогой все равно пользуются, поскольку запретить им ездить по ней невозможно.

Коулмен рассматривает проблему индивидуалистической максимизации выгоды, которая ведет к снижению оптимальности корпоративного действия. Тем не менее, он не теряет надежды, что взаимобмен правами контролировать действия может нормализовать подобную ситуацию. Такое же мнение высказывают И.Бьюкенен и Г.Таллок [8].

Особенно существенное значение имеет проводимое Коулменом различие между легитимным и нелегитимным обменом правами. Легитимный обмен предполагает, что индивид действительно обладает правами, которые он передает. Если он передает права, не имея на то прав (тавтология в данном случае неизбежна), то обмен нелегитимен. Эта ситуация иллюстрируется множеством примеров использования властных ресурсов в индивидуальных интересах.

Таблица 1

Примеры легитимных и нелегитимных форм передачи прав

Пример 1. Распределение земель под застройку
(a) Нелегитимная форма

Принципал А: Действующий порядок предусматривает отклонение от плана застройки

Агент А: Распределяя земельные участки под застройку, приобретает для себя голоса избирателей

Актор В: Гражданин голосует за то, чтобы использовать отклонение от плана застройки в собственных интересах

(b) легитимная форма

Принципал А: Конституция дает возможность отклонения от плана застройки, чтобы разбить парк

Агент А: Распределяя участки под застройку, представляет интересы принципала

Актор В: Гражданин оплачивает размещение парка, хотя это нарушает план распределения земель

Пример 2. Предоставление работы секретарши
а) нелегитимная форма

1 Принципал А: Фирма предоставляет работу секретарше

Агент А: Шеф устанавливает с секретаршей сексуальные отношения, следуя собственным интересам и используя права, которые на самом деле не предоставлены ему принципалом

Актор В: На некоторое время секретарша теряет право свободно распоряжаться своим телом, зато получает работу

(b) легитимная форма

Принципал А: Фирма предоставляет работу секретарше при условии сверхурочной нагрузки

Агент А: Шеф представляет интересы принципала

Актор В: На некоторое время секретарша передает право распоряжаться своим временем, зато получает работу в фирме

Несмотря на широкий круг убедительных примеров, при определении легитимности или нелегитимности обмена правами на контроль возникает ряд серьезных затруднений.

Во-первых, неясно, сводится ли различие между двумя типами обмена лишь к тому, что агент А не возвращает принципалу А полный эквивалент полномочий, полученных при передаче прав. Иными словами, будет ли действие легитимно, если агент передаст ему эквивалент "полезного продукта", полученного от актора В. Это происходит, например, в случаях, когда агент не раскрывает некоторую информацию о фирме, которой он владеет в силу своего служебного положения.

Во-вторых, возникает вопрос: являются ли действия секретарши или чиновника, использующего служебное положение в личных целях, изначально нелегитимными, поскольку они влекут за собой отрицательные внешние последствия для третьих лиц? В конце концов другие секретарши тоже ищут работу, многие горожане вынуждены ехать за город, если парков в городской черте недостаточно.

В-третьих, не являются ли соображения морали более значимыми при определении легитимности действия, чем его цель?

В-четвертых, не ведут ли подобные теории к противоречию между легитимными / нелегитимными и моральными / аморальными критериями выбора? Первые оказываются доминирующими, поскольку вторыми вообще пренебрегают.

Последнее замечание требует пояснения. Представим себе двух человек в купе поезда. Один из них — курильщик, второй — нет. Абстрагируемся от запрета курить в поездах. Согласно теории Коулмена в этой ситуации для попутчиков было бы наилучшим вариантом обменяться правами на контроль. Некурящий занялся бы просчитыванием (как на аукционе) того удовольствия, которое получает курильщик, сменяя свою сигарету в течение определенного времени и, соответственно, суммы денег, которая могла бы компенсировать ему отказ от этого удовольствия, оставляя некурящему в награду чистый воздух (при условии, если свежий воздух стоит денег). Подобные умозаключения приведут, без всякого сомнения, к рациональной сделке. Если бы нормы морали превалировали над финансовыми соображениями, никакой необходимости в подобного рода сделке не существовало бы.

Как устанавливаются конституции?

В третьей части монографии речь идет о проблемах, относящихся скорее к области политической экономии, чем социальной теории. В главе "Конституции и устройство корпоративных акторов" Коулмен дает определение понятия "конституция" как совокупности письменных и обыденных правил. Чтобы "конкурировать" со структурой норм, конституции выступают в объединяющих и разъединяющих формах. Объединяющая форма конституции предполагает, что награды (benefits) получают те же люди, которые в случае неудачных решений несут потери. Разъединяющие конституции создают ситуации, когда выигрывают одни, а жертвами становятся другие. Коулмен останавливается на первом типе конституций, которые можно назвать конституциями, основанными на договоре. Таковы конституции Польши, Франции и США, а также стран, где заимствованы их конституционные системы.

Автор подробно анализирует подходы к проблеме формирования конституций, принадлежащие Р.Нозике (концепция минимального государства) и Д.Роулсу [9].

Несколько замечаний об эволюции идей Роулса помогут прояснить суть проблемы. До середины 1950-х годов Роулс был

приверженцем утилитаристской теории, но впоследствии несколько изменил свои взгляды, заменив утилитаристский принцип удовольствия принципом справедливости [10]. Таким образом, концепция Роулса приобрела скорее нормативный, чем позитивный характер. Наиболее очевидным это становится при рассмотрении феномена "телячьего невежества", на котором базируется концепция Роулса. Гражданин голосует за конституцию как "телок", абсолютно не сознавая, какие социальные позиции (левого или правого, богатого или бедного) он приобретет после установления оптимальной с его точки зрения конституции. По сути, Роулс (как и И.Кант) пытается найти ответ на вечный вопрос: "Как должен себя вести актер, устанавливая конституцию?". Однако, отвергая подобную постановку вопроса, он предлагает иную формулировку: "Как реально действуют актеры, создавая конституции?". В таком случае концепция "телячьего невежества" должна либо модифицироваться, либо отвергаться. Коулмен выбирает первое. Человек не должен забывать, какое социальное положение он занимал. В течение жизни никто не бывает только "бенефициантом" или только "жертвой", в одних случаях человек выигрывает, в других — проигрывает. Поэтому эгоистически ориентированный актер, думающий только о своем благополучии, соглашается с "Основным законом". Именно этот минимальный уровень консенсуса имеет в виду и Г.Кирш, когда пишет о "согласии по поводу правил при несогласии по поводу вещей" (Regelkonsens trotz Sachdissens) [11].

Вклад Коулмена в теорию социального выбора

За последние пятьдесят лет из общего русла теории рационального выбора выделилось новое направление, получившее название теории социального выбора. Наиболее влиятельный представитель этого направления — Амартия Сен, автор знаменитой "теоремы невозможного", иногда называемой "парадоксом Сена" [12]. Суть парадокса заключается в доказательстве, что принцип Парето-оптимальности несовместим даже с минимальным уровнем свободы¹. Точка зрения Коулмена противоположна. Он сомневается в самом существовании парадокса Сена (р.335), полагая, что социальное взаимодействие выражается прежде всего в интересе индивида к объектам, право контролировать которые принадлежит другому индивиду. Последний, не будучи заинтересованным в сохранении исключительных прав контроля над объектом, готов к передаче этих прав в обмен на другие права. Так осуществляется процесс обмена. Отсюда следует коулменовское определение либерализма — это свобода обмениваться правами и средствами. Применяя данное определение к парадоксу Сена, он приходит к выводу, что парадокс не существует вообще, поскольку два актера обмениваются правами контроля над действиями. Проблема, тем не менее, остается открытой. Можем ли мы с достаточным основанием говорить о Парето-оптимальности, когда оптимум достигается одним лишь обменом, или в данном случае более пригодна "Кальдор-Хикс-оптимальность" ?²

---

¹ По Парето, ресурсы можно считать оптимально распределенными, когда ни один актер не может улучшить своего положения, не ухудшив положения других актеров.

² Ресурсы являются распределенными оптимально в смысле Кальдора-Хикса, если ни один актер не может улучшить своего положения, включая компенсацию ущерба проигравшим, не ухудшив положения других актеров.

Здесь возникает принципиальный теоретический вопрос о свободе индивида в обществе. Особенно наглядно сравнение концепций свободы четырех политических мыслителей: И.Бентама, Дж.Ст.Милля, Ж.-Ж.Руссо и В.Парето. В таблице 2 демонстрируются различия в их трактовке либерализма. Руссо передает все права "благосклонному деспоту", который способен чувствовать "общую волю" (*volonte generale*) общества и выражать ее в своих действиях. В концепции Бентама индивиды также передают все права "благосклонному деспоту", но, в отличие от Руссо, деспот принимает в расчет суммарный баланс пользы и ущерба, наносимого индивидам. Возможность подобной агрегации потребностей отрицается Парето, который утверждает, что польза и ущерб у разных людей несопоставимы и могут быть оценены только индивидуально. Наиболее близки Коулмену взгляды Милля. В его концепции большинство прав на контроль не передаются деспоту, а сохраняются за индивидом. "Наверх" передается лишь часть прав, необходимых для достижения целей, которых нельзя достичь в одиночку. К таким целям относится, например, национальная безопасность.

Таблица 2

Коллективная и индивидуальная формы контроля в теоретических концепциях Милля, Парето, Бентама и Руссо

Право контроля	Индивидуальная природа блага		Коллективная природа блага
	Индивидуальная оценка благ	Сравнительная оценка благ	
Право контроля сохраняется за индивидом		Милль	
Право контроля передается коллективу	Парето	Бентам	Руссо

Таким образом, Коулмен придерживается теории общественного договора, однако делает реалистическую оговорку, что с исторической точки зрения ситуация социального контракта между индивидами является чистой условностью. "Жертвы" могут быть в некотором отношении "бенефициантами", возможна также ситуация, когда "бенефицианты" и "жертвы" — разные люди. Коулмен фокусирует внимание на втором случае, который он определяет, согласно своей системе, термином "разъединяющая конституция". В качестве примера он рассматривает высшее образование в США. Право контролировать действия студентов передаются родителями администрации высшей школы. Студенты здесь выступают в роли объектов воздействия (*targets*), не оказывающих влияния на конституцию. Пятьдесят лет назад, — замечает Коулмен, — студенты подвергались физическим наказаниям, что сегодня в высшей школе запрещено. Как можно объяснить этот феномен? С индивидуалистическо-утилитаристской точки зрения пятьдесят лет назад родители имели более широкие права контролировать поведение своих детей. Ныне они утратили часть этих прав, поэтому не могут и передать их кому-либо. Далее: либерализация высшего образования влечет за собой увеличение

числа разнообразных акторов-участников этого процесса и расширение контрактных отношений.

Рассматривая проблему оптимальной конституции, Коулмен выделяет ее различные уровни. Первый уровень обозначается как "индивидуальная оптимальность". Здесь нет необходимости взвешивать индивидуальные интересы и устанавливать конституцию по образцу абсолютного консенсуса. Понятно, насколько это далеко от реальности. Второй, более реалистический, уровень оптимальной конституции — "утилитаристская оптимальность" предполагает межличностную агрегацию (которую имеет в виду Бентам). Третий уровень — "навязанная оптимальность". Лишь в последнем случае корпоративное действие представляет собой баланс "жертв" и "бенефициантов" — модель, наиболее адекватно описывающая реальное социальное взаимодействие. Коулмен очерчивает три способа решения проблемы. Во-первых, есть надежда, что стороны все-таки договорятся, поскольку полное отсутствие конституции значительно хуже, чем признание самых плохих правил. Во-вторых, голоса "жертв" могут быть куплены в обмен на частичное удовлетворение их интересов. В-третьих, если они ни за что не соглашаются принять данную конституцию, начинается политическая борьба, где победитель принуждает побежденного принять выгодный ему порядок. Коулмен считает это крайним случаем установления согласия по поводу конституции. Но здесь возникает дополнительная сложность: в конце концов некоторой группе "бенефициантов" легче навязать конституцию силой, чем в течение продолжительного времени выработать компромисс или даже позволить группе "жертв" отстаивать свои интересы в обмен на их согласие. Ответа на этот вопрос в "Основаниях" Коулмена не обнаруживается. Тем не менее, он убежден, что оптимальная конституция базируется на концепции экономической эффективности, взятой в широком смысле, не сводимом к эффективному размещению прав, обладающих денежным эквивалентом (р.354).

Что означает "правильное нравственное поведение"?

Коулмен весьма неохотно применяет моральные аргументы в своей позитивной социальной философии. Однако говоря о нравственной философии И.Канта, он полагает, что категорический императив потенциально совместим с позитивной теорией социального действия (р.384). Такая постановка вопроса приближает его к так называемому "правилу утилитаризма", сформулированному Роулсом в пику "утилитаризму-действию" Р.Смарта [14]. Действительно, роулсовская версия утилитаризма являет собой попытку преодолеть разрыв с кантовской этикой долга. Основное различие — в телеологической ориентации "правила утилитаризма" в противоположность деонтологической направленности философии Канта. Коулмен же занимает чисто утилитаристскую позицию. Например, он начисто отрицает тезис "убийство человека всегда является злом" (р.384). Подлинно нравственное поведение по Коулмену не может быть определено "ex-ante", то есть не может не принимать в расчет последствий совершаемых действий. Более того, предполагается, что ответ на вопрос "Каким должен быть моральный результат?" формулируется лишь в итоге "внутреннего взвешивания" интересов. Это означает, что этический результат изначально

детерминирован (р.387).

Коулмен отнюдь не заблуждается относительно радикальности выводов, которые могут быть сделаны в результате подобных умозаключений. Так, он приводит в пример трагедию коллективного самоубийства членов общины Джонстоун в Гайане. Если бы последователи Джима Джонса адекватно осознавали, что они делают, если бы они предварительно прошли через "внутреннее взвешивание", а затем выполнили приказ гуру и приняли яд, то результат можно было бы считать морально оправданным (р.387).

Здесь возникает тесно связанный с утилитаристской традицией вопрос: когда и при каких обстоятельствах люди действительно сознают, что они делают? Разве влюбленный понимает, что с ним происходит? Отдают ли себе отчет наркоманы, что для них полезно, а что вредно? Психоаналитические аспекты человеческой деятельности подрывают утилитаристскую теорию, которой до сих пор не удалось опровергнуть критику со стороны фрейдизма. "Человек больше не хозяин в своем собственном доме" — этот постулат психоанализа продолжает быть камнем преткновения как для утилитаризма, так и для теории рационального выбора. Попытки преодолеть это затруднение были предприняты И.Элстером в его знаменитых эссе "Одиссей и сирены" и "Зеленый виноград", где дано расширительное толкование рациональности [15]. Коулмен придерживается заданного Элстером направления.

Определение "Я"

Любой теории действия (и "Основания" Коулмена здесь не исключение) необходимо определение субъекта действия (актера). Приверженец индивидуалистического метода, Коулмен ставит в центр своей теории ориентацию личности на получение максимальной пользы при соблюдении некоторых ограничений или запретов. Индивиды поступают рационально — это означает, что они никогда не сделают невыгодный выбор (если выбор возможен). Следует заметить, такая позиция несколько напоминает определение "издержек различных вариантов", данное Ф. фон Визером столетие назад [16], а также идеи, развиваемые в современной теории рационального выбора. Коулмен следует за Элстером и рассматривает рациональность в более широком смысле. Он утверждает, что структура личности сложнее, чем это демонстрирует теория рационального выбора (р.505).

Критика сводится к нескольким положениям. Во-первых, поведение ограничено рамками разумного. Во-вторых, существует веер стратегий для достижения цели. В-третьих, решение принимается в ограниченный отрезок времени. В-четвертых, человек может сконструировать свой внутренний мир и влиять на собственное психологическое состояние при определении предпочтений. Здесь действуют фрейдовские "защитные механизмы", в частности, рационализация мотивов и установок. Именно данное обстоятельство имел в виду Элстер в "Зеленом винограде": лисица, будучи не в состоянии достать вожаденный виноград, убеждает себя, что вовсе не хочет его, потому что он зелен.

Что касается временных ограничений, то в монографии Х.Саймона "Модели человека" [17] представлена блестящая критика концепции рациональности, в которой подразумевается, что все время, отпущенное человеку богом, можно потратить на оценку одной-единственной альтернативы. Саймон развертывает теорию ограниченной рациональности, где человек оптимизирует свое решение, будучи ограниченным во времени, иначе говоря, помня о

смерти.

Различные эгоистические стратегии достижения целей проанализированы Р.Аксельродом (1984), занимавшимся теорией игр [18]. Казалось бы, каждый из участников игры преследует собственную рациональную цель, но на самом деле диапазон стратегий оказывается весьма широким.

Анализ Коулменом рационального поведения нацелен на создание универсальной объяснительной модели. Односторонняя передача прав, участие в сектах, передача посылок с незнакомыми людьми — таковы некоторые примеры эпизодов, интерпретируемых в теории рационального действия. С помощью коулменовского "широкого" определения рациональности к тому же эгоистическому поведению могут быть отнесены определенные виды "альтруистического" поведения. В книге подробно обсуждается и проблема идентификации альтруистических действий, например, случаи, к которым применимо высказывание: "Твоя боль — моя боль".

Коулмен сознает опасность столь широкого применения теории рациональности — это похоже на попытку защитить саму теорию. Поэтому он предлагает следующие критерии альтруистического поведения. Во-первых, необходимо показать влияние альтруистического действия на самого актора. Во-вторых, надо установить границы той области, на которую распространяется действие. В экономической теории эти ограничения определяются четко: интернализация экстерналий обеспечивает преобладание позитивных результатов над негативными. Например, промышленное предприятие принимает природоохранные меры, когда выгода (паблисити, уменьшение нападок "зеленых" и т.д.) превышает издержки. В конечном счете в качестве "пользы" может рассматриваться чувство удовлетворения. "Клубы фанатов создаются для почитания "звезд", а не инвалидов", — заключает мысль Коулмен (p.519).

Теории революции

Приверженность Коулмена индивидуалистическому методу проявляется и в разработанной им теории революции. В главе "Отмена власти" он определяет свое отношение к моделям принуждения, описанным Хиршманом [19]. Коулмен утверждает, что "уход" (exit) или "согласие" (voice) участвовать в социальном взаимодействии не сводятся к реакции на принуждение сверху. Иногда "выходить из игры" слишком накладно. Например, покидая свою страну, можно потерять собственность, друзей, привычную обстановку. Поэтому люди часто выбирают путь "внутренней эмиграции", "построения общества внутри общества". В основном это случается при изъятии права на контроль у одних и передачи его другим. Иногда такая ситуация ведет к острым конфликтам, но возможен и ее мирный исход. В качестве примера Коулмен приводит Филиппины, где Маркоса сменила Корасон Акино; Иран, где Хомейни получил власть после шах-ин-шаха Пехлеви; Польша, в которой права на контроль были изъяты у коммунистической партии и переданы профсоюзу "Солидарность". Во всех этих случаях передача власти не привела к революции. Но что делать, если правящая партия не желает выпускать из рук права на контроль? Коулмен отвечает почти "по-ленински": "Если власть не отдают добровольно, ее нужно взять силой" (p.468). Здесь наглядно продемонстрирована слабость методологического индивидуализма. Метод "работает" лишь там, где большая часть общества состоит из

гуманных и разумных существ (что бы это ни значило). Но если большинство населения не умеет читать и писать и, тем не менее, вынуждено участвовать в определении политического устройства, последствия могут оказаться печальными. История революций показывает: надежда, что революция передаст права на контроль в руки легитимных властителей, редко оправдывается.

Почему революции происходят не в самый напряженный момент общественного кризиса, а после некоторого периода улучшения? Коулмен сравнивает позиции приверженцев теории фрустрации (Дж.Дэвис, Л.Стоун, П.Загорин, В.Рансимэн, Т.Гарр, Дж.Ленски) и теории власти (Ф.Фанон, Г.Таллок). Первые пытаются объяснить временной лаг между низшей точкой социального кризиса и началом революции нарастающей фрустрацией, когда развитие замедляется и даже на короткое время полностью задерживается. Вторые считают, что начало революции выбирается из рациональных соображений. Революционеры, казалось бы, взвешивают момент, когда ожидания выгоды наиболее высоки. В большинстве случаев это происходит, когда они обладают максимальным количеством ресурсов. По мнению Коулмена, идеи "фрустрационистов" несовместимы с его теорией социального действия. Во-первых, фрустрация — не рациональное, а преимущественно экспрессивное поведение. Во-вторых, агрегирование индивидуальных действий мало что объясняет без учета интересов акторов на различных этапах революции. Автору "Оснований" более близки исследования по теории власти, где основное внимание уделяется не психологическим, а системным предпосылкам разрушения социальных порядков (р.484).

После фундаментального описания и классификации социальных действий Коулмен акцентирует внимание на переходе от микро- к макроуровню. Анализ этого перехода требует математического анализа структуры интеракций. Данный метод заимствован у экономистов неоклассической школы, где он был детально разработан еще в 1870 году независимо друг от друга Ч.Менгером, Л.Вальрасом, Дж.Джевонсом и А.Маршаллом. Речь идет о теории, на основе которой сформировалась современная сравнительная макроэкономика. Принципиально новым в работе Коулмена является применение методов экономической теории к социальным проблемам.

Критические замечания

В "Основаниях" недостаточно хорошо проработана концепция "социального капитала". Это сказывается на анализе целерационального действия, которое ограничивается действиями индивидуальных акторов. Социальное действие рассматривается независимо от целерационального и если оно существует в развитых социально-экономических системах, то в качестве "рудимента". Вероятно, будучи "методологическим индивидуалистом", Коулмен избегает квалифицировать социальное действие как целенаправленное. Возможно, такой вывод является результатом строгого применения методологического индивидуализма, но не может рассматриваться как универсальный закон эволюции. Многие факты свидетельствуют об обратном. Экономические системы Японии и других стран Юго-Восточной Азии свидетельствуют: эффективное производство вовсе необязательно связано с индивидуалистической точкой зрения. Так, не исключено, экономический успех Японии и "молодых азиатских тигров" базируется именно на ведущей роли социального капитала.

Индивидуалистический этос может разрушать социальный капитал и тем самым негативно влиять на эффективность социального воспроизводства. Предположим, два соседа-москвича А и В доверяют друг другу и оказывают маленькие взаимные услуги: следят за порядком в отсутствие соседа, одалживают соль, мукой или лампочками. Предположим далее, что эти услуги увеличивают их социальный капитал на 10 условных единиц (по 5 на каждого). Соседу А предлагают работу в Санкт-Петербурге, где он будет получать на 7 единиц больше, чем в Москве. Если он поступит индивидуалистически-рационально (по Коулмену), то примет предложение и его чистая выгода составит 2 единицы. С другой стороны, В при отъезде соседа понесет ущерб в 5 единиц. На уровне совокупного капитала потеря составит 3 единицы. В таком случае можно сделать вывод о негативных внешних последствиях, возникших в результате действий А. Это верно, но здесь не работает экономическая система обмена. В не может легально требовать у А компенсировать ему потерю 5 единиц.

Несмотря на то, что Коулмен признает общественный договор всего лишь идеальной конструкцией, он использует данное понятие для объяснения реальных событий революций, отношений доверия, деятельности сект и т.д. Можно сказать, он ставит телегу впереди лошади. История свидетельствует, что сначала у людей возникает осознание своих прав (по Коулмену, прав контроля над действиями), и только затем они начинают борьбу за эти права. У Коулмена же получается, что люди изначально обладают определенными правами, а затем передают их другому лицу или корпоративному актору в процессе обмена^{1,4}.

Строгое требование обеспечить микрооснования для макротехории не столь необходимо, а порой просто невозможно. Пример — крушение Советского Союза. Это событие требует анализа действий акторов, игравших ключевые роли в политике и экономике. Но все ли они известны? А разве поддаются учету психологические состояния тех, кто известен?

Коулмен дистанцирует свою теорию целерационального действия от понятия чистой экономической эффективности и придерживается расширенного понимания рациональности. При этом он оптимистично смотрит на процессы обмена, как средство оптимальной оценки целерациональных действий, отношений доверия, конституций, норм и тому подобные вещей. Но разве не существует опасности, что в процессе обмена монетарные цели окажутся более предпочтительными, чем немонетарные.

И последнее: один из постулатов теории Коулмена заключается в том, что рациональное поведение "размещается" внутри определенных систем действия. Рациональность самих систем выносится за скобки. Но остается нерешенным принципиальный вопрос: могут ли люди вести себя рационально внутри нерациональных систем?

ЛИТЕРАТУРА

1. Coleman J. Foundations of social theory. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1990.

2. Rational choice theory / Ed. by J.Coleman, T.Fararo. Newbury Park: Sage Publications, 1992.

3. Buchanan J.M., Tullock G. The calculus of consent: Logical

---

¹ Интересы акторов рассматриваются Коулменом как заданные. Таким образом их формирование не проблематизируется. Однако в кризисных обществах такое допущение может стать причиной весьма недалеких умозаключений [20].

foundations of constitutional democracy. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1962;

Coase R.H. The problem of social cost // Journal of Law and Economics. 1960. № 3.

4. Loury G. A dynamic theory of racial income differences // Women, minorities, and employment discrimination / Ed. by P.A. Wallace, A. Le Mond. Lexington, MA: Lexington Books, 1977; Bourdieu P. La capital social: Note provisoire // Actes de la Recherche en Sciences Sociales. 1980. Vol.3. No.2-3; Flap H.D., De Graaf N.D. Social Capital and attained occupational status // The Netherlands Journal of Sociology. 1986. Vol.22. P. 145-161.

5. Granovetter M., Swedberg R. The sociology of economic life. Boulder: Westview Press, 1992.

6. Ben-Porat Y. The F-connection: families, friends, and firms, and the organisation of exchange // Population and Development Review. 1980. Vol. 6. P. 1-29.

7. Michels R. Political parties: A sociological study of the oligarchical tendencies of modern democracy / Transl. by E. Paul and C. Paul. New York: Free Press, 1968. P.342ff.

8. Buchanan J.M., Tullock G. The calculus of consent: Logical foundations of constitutional democracy. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1962.

9. Nozick R. Anarchy, state and Utopia. Oxford: Blackwell. 1974; Rawls J. Theory of justice. Cambridge: Cambridge University Press, 1971.

10. Rawls J. Two concepts of rules // The Philosophical Review. 1955. Vol 64. P. 3-32.

11. Kirsch G. Neue Politische Okonomie. 3 Aufl. Dillseldorf: Werner-Verlag, 1993, S. 134.

12. Sen A.K. Collective choice and social welfare. San Francisco: Holder-Day, 1970. P. 78-88.

13. Gravelle H., Rees R. Microeconomics. 2-nd edition. London: Longman, 1992. P.487-490.

14. Smart J. Extreme and restricted utilitarianism // The Philosophical Quarterly. 1956. Vol.. 6. P. 345-354.

15. Elster J. Ulysses and the sirens. Cambridge: Cambridge University Press. 1979.

16. Wieser F. von Uber den Ursprung und die Hauptgesetze des wirtschaftlichen Werthes. Wien. Holder. 1884.

17. Simon H.A. Models of man. New York: Wiley. 1957.

18. Axelrod R. The evolution of cooperation. New York: Basic Books, 1984.

19. Hirschman A.O. Exit, voice, and loyalty: Responses to decline on firms, organisations, and states. Cambridge MA.: Harvard University Press. 1970.

20. Батыгин Г.С. Воспроизводство и формы представления политической риторики // Этика успеха: Вестник исследователей, консультантов, ЛПП. Вып.7. Москва-Тюмень, 1996. С. 49-58.